

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

Научная статья

УДК 101.1:316

Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху

Е. В. Листвина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации современных коммуникационных процессов, обусловленных формированием нового цифрового общества и его влиянием на все стороны социальной и культурной жизни. Коммуникация становится многообразно, ризоматически разветвленной, предлагая переплетение каналов и средств коммуникации, многовариантность результативности и изменение собственно коммуникантов, акторов общения. Отмечается, что длительные социальные связи перестают быть доминантными. Качественно новая среда, именуемая пространством медиа, закладывает новый формат общения. Информация воспринимается все более короткими блоками. Уплотняются сущность и глубина коммуникативного взаимодействия. Люди все чаще общаются с учетом конкретных кратких дел или событий, объединяясь для их выполнения в быстро распадающиеся непрочные социальные образования. Усиливаются горизонтальные социокультурные связи, социальная стигмергия. Выделяется играизация, которая становится одной из характерных черт современной коммуникации. Происходит нивелировка коммуникаций, взаимодействий разного уровня и разных задач. Отмечается, что такого рода изменения способствуют исчезновению из пространства иерархичности, разноразмерности, высококонтекстуальности взаимодействия и в то же время усиливают эмоциональную составляющую коммуникации. Все это создает условия для качественных изменений смыслов и способов социального взаимодействия.

Ключевые слова: социокультурная коммуникация, трансформация коммуникаций, цифровое общество, современная социокультурная ситуация, медиaprостранство

Для цитирования: Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern socio-cultural communications: Transformations in the digital age

E. V. Listvina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Abstract. The article deals with the problem of transformation of modern communication processes caused by the formation of a new digital society and its influence on all aspects of social and cultural life. Communication becomes diverse, rhizomatically branched, offering an interweaving of channels and means of communication, a multivariate effectiveness and a change in the actual communicants, communication actors. It is noted that long-term social ties cease to be dominant. A qualitatively new environment, called the media space, lays down a new format of communication. Information is perceived in increasingly shorter blocks. The essence and depth of communicative interaction is flattened. People are increasingly communicating taking into account specific brief cases or events, uniting for their implementation in rapidly disintegrating fragile social formations. Horizontal socio-cultural ties and social stigmergia are being strengthened. There is a playization, which is becoming one of the characteristic features of modern communication. There is a leveling of communications, interactions of different levels and different tasks. The author notes that such changes contribute to the disappearance of hierarchy, multi-level, highly contextual interaction from the space and at the same time strengthen the emotional component of communication. All this creates conditions for qualitative changes in the meanings and methods of social interaction.

Keywords: socio-cultural communication, transformation of communications, digital society, modern socio-cultural, media space

For citation: Listvina E. V. Modern socio-cultural communications: Transformations in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные социокультурные условия социальных коммуникаций в настоящее время претерпевают серьезные качественные изменения. Сама идея глубинной трансформации коммуникаций в нарастающем влиянии цифрового общества рассматривается современной гуманитарной наукой уже не один год, но быстро меняющиеся социальные условия заставляют нас обращаться к этому вопросу, учитывая новые нюансы и варианты. Так, В. В. Козловский отмечает резкое изменение «самой природы прагматической направленности социальных коммуникаций. Соперничество различных агентов социокоммуникативного пространства за ресурсы, позиции, влияние порождает ряд общих институциональных и прагматических эффектов: появление новых игроков на локальном и глобальном уровнях, непрерывное переопределение институтов (правил, норм) социокоммуникаций, рост разнообразных сетевых сообществ, новых социокультурных конфигураций и солидарностей» [1, с. 201].

Какие же коммуникационные изменения становятся настолько существенными для современного социума, что оказывают решающее воздействие на него в целом? Какие характеристики современных коммуникационных процессов оказываются определяющими в дальнейшем движении общества? В первую очередь это те изменения, которые происходят под влиянием цифровизации общества, формирования дигитального сознания, происходящего в начале третьего тысячелетия. Л. В. Буркова отмечает такие его черты, как «вовлеченность в информационные потоки, что связано с общедоступностью информации, быстротой ее передачи и получения, легкостью осуществления коммуникационных практик» [2, с. 3].

Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые из них. Сразу подчеркнем, что в данной статье предпринята попытка рассмотреть специфику социокультурных коммуникаций в целом, не исследуя специально их поколенческие особенности. Подробнее об этом уже упоминалось в других публикациях [3]. Однако мы изначально опираемся на тот факт, что разные поколения имеют свой социокультурный багаж коммуникационного опыта, так или иначе воспроизводят привычные для них способы поведения и взаимодействия, продолжая находиться в своеобразных коммуникационных нишах со свойственными им моделями общения, хранения и передачи информации. Но в последние годы эти разные поколения начинают следовать новым ритмам социального общения, таким образом вовлекаясь в новые социальные тренды и участвуя в создании новых коммуникационных связей.

Следует отметить изменение пространственно-временной шкалы коммуникаций. Собственно, понимая тотальность социокультурной коммуникации и соглашаясь с Б. А. Парахонским в том, что мы живем в мире коммуникаций, а наше сознание по своей организации имеет изначально коммуникативный характер [4, с. 24], следует отметить, что данная тотальность меняет свое внутреннее содержание и наполнение. Известная схема Г. Лассуэлла «кто, что сказал, через посредство какого канала (средства) коммуникации, кому, с каким результатом» [5, с. 11.] становится многообразно, ризоматически разветвленной, предлагая переплетение каналов и средств коммуникации, многовариантность результативности и изменение собственно коммуникантов, акторов общения. В этом же русле происходят все другие изменения, которые мы рассматриваем.

Коммуникации меняют свою длительность. В предыдущие периоды человеческого существования приветствовались длительные связи, долгое общение, налаженные коммуникации, развивающиеся из поколения в поколение, во всяком случае, предполагались и приветствовались годы общения. Обращалось внимание на процессуальность взаимодействия, которая и составляла главный смысл коммуникации. Долгое общение воспринималось обществом как признак социальной устойчивости, социализации, определенной стабильности. Во многом коммуникация воспринималась как особый продукт деятельности сама по себе, с одной стороны, с другой – была условием существования социума, который не выжил бы без сотрудничества, коммуникативных договоренностей. Имелись разные градации группового и индивидуального общения, тонкие нюансы которых были понятны практически всем членам общества. Таким образом, можно говорить о приоритете длительных коммуникаций в достаточно долгий исторический период.

Нынешние коммуникации меняют свои ценностные ориентиры. Длительные социальные связи перестают быть доминантными в коммуникации представителей поколений начала третьего тысячелетия. Коммуникация становится слишком доступной и разнообразной по способам и возможностям, но именно вариативное изобилие приводит к тому, что в действительности индивид использует всего несколько ее каналов, ориентируясь в первую очередь на их доступность и удобство. Здесь на первом месте оказываются социальные сети и другие всевозможные мессенджеры, предложенные медиапространством.

Качественно новая среда, именуемая пространством медиа, закладывает новый формат общения. Он возможен в любой момент времени, что практически было недоступно еще лет 30 назад, но становится все более кратким. Отчасти это задано самими требованиями и технологическими параметрами устройств, обеспечивающих коммуникацию (например, Twitter), однако даже возможность создать обширное сообщение – в рамках электронной почты или переписки в социальных сетях – уже не устраивает коммуникаторов. Информация воспринимается все более короткими блоками, на что жалуются педагоги, отмечая все более короткую память и восприятие у молодых поколений, не способных удерживать длинные повествовательные информационные отрывки. В целом это соответствует сетевому принципу организации общества, который «становится все более универсальным, а современные виды организационных структур в самых разнообразных сферах деятельности начинают все более соответствовать структурам информации и информационным технологиям» [6, с. 108].

Кроме того, уплощаются сущность и глубина коммуникативного взаимодействия. Новый формат не предполагает глубокого погружения в определенные состояния и переживания. Что, кстати, маркируется названием одного из популярных мессенджеров (Twitter – щебетание, чирикание). То есть его параметры изначально не задавали возможностей для объемной, обширной коммуникации. Это приводит к тому, что, испытывая естественное желание делиться глубинным, участники современных коммуникаций вынуждены сообщать о своих серьезных событиях или ощущениях, используя слишком упрощенный способ передачи информации. В свою очередь, такой способ порождает некоторые искажения в ее восприятии и последующем взаимодействии. Также со временем участники коммуникативного процесса перестают испытывать потребность в сложной передаче своих состояний, что может приводить к социокультурной и психологической примитивизации индивида и социальному взаимодействию и связям в целом. Такому облегченному варианту общения способствует популярность графических изображений (эмодзи, смайлики) в сетевой переписке. Причем следует отметить, что данные графические изображения становятся универсальным способом передачи состояния человека и переключиваются из чисто сетевой культуры в другие области социального общения, завоевывая новые социокультурные пространства.

Т. Х. Эриксен называет эти явления «фрагментированной одновременностью» и указывает

на то, что «глубина» социального взаимодействия заменяется «шириной», скользящей по внешней поверхности реальности и усиливающей власть одномоментного, не глубокого в коммуникации, представленного чередой сменяющих друг друга моментов [7, с. 132].

Коммуникация перестает быть длительной не только в плане ее репрезентации. Изменяется и продолжительность самого общения между индивидами. Люди все чаще общаются с учетом конкретных кратких дел или событий, объединяясь для их выполнения в довольно рыхлые, аморфные образования, быстро распадающиеся после реализации намеченного. Современные исследователи отмечают усиливающуюся горизонтальность таких коммуникаций и называют ее социальной стигмергией [8]. Так, Н. А. Муштей отмечает разветвленную структуру данной формы коммуникации, которая может реализовываться в первую очередь благодаря сетевым ресурсам, программной инфраструктуре [9, с. 159]. Причем это может быть волонтерским проектом, объединяющим людей с активной гражданской позицией, грантовым научным исследованием, связывающим представителей науки для исполнения конкретной научной задачи, и в то же время привлечением партнеров для совместной поездки для экономии средств (как, например, интернет-платформа для междугородних поездок BlaBlaCar) или приятного, ни к чему не обязывающего времяпрепровождения. Такого рода отношения могут отличаться усиливающейся играизацией, которая становится одной из характерных черт современной коммуникации [10].

В этом смысле происходит нивелировка коммуникаций, когда взаимодействия разного уровня и разных задач могут быть реализованы практически одинаковым способом и примерно с аналогичными личностными, социокультурными и психологическими затратами.

В такого рода коммуникациях, бесспорно, есть свои преимущества, но они могут выводить из коммуникативного пространства такие до сегодняшнего дня атрибутивные элементы коммуникации, как межпоколенческие семейные связи, когда семейное общение сводится к реагированию на конкретную ситуацию, научные школы, создающиеся десятилетиями, и в какой-то мере со временем привести к изменению понимания феномена традиции и его роли в обществе.

Это убирает из обширного, многоцелевого коммуникационного пространства иерархичность, разноуровневость, высококонтекстуальность взаимодействия, в то же время довольно часто приводя к гипертрофированной эмоциональной реакции на единицы «сообщений». Скорее всего,

это связано с тем, что социокультурная и психологическая потребность в сложных и глубоких коммуникациях сохраняются, и люди стремятся к ней, но реализуют ее в форме общения ради общения, восполняя отсутствие многогранных, глубоких коммуникаций их клиповым многообразием, эпатажностью, потоком новых, на самом деле ничем не примечательных событий, которые создают фоновую информационную ленту, исчезающую без серьезного следа в том же моменте, в котором она появилась перед индивидом.

Таким образом, мы находимся сейчас в интересном периоде развития социокультурных коммуникаций, отличающихся серьезными трансформациями, результатом которых может стать качественное изменение смыслов и способов социального взаимодействия.

Список литературы

1. Козловский В. В., Пивоваров А. М. Социальные коммуникации : репертуар и эффективность современных технологий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 4. С. 201–207.
2. Буркова Л. В. Социально-философский анализ массового сознания в контексте глобальной информатизации : дис. ... канд. филос. наук. М., 2018. 187 с.
3. Листвина Е. В., Фролова С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 369–373. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Брудный А. А., Библер В. С., Швырев В. С., Григорьева Т. П., Огурцов А. Т., Тарасов Е. Ф., Парахонский Б. А. Коммуникация и культурная среда // Диалог и коммуникация – философские проблемы : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 24.
5. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1974. 146 с.
6. Философские аспекты онтологии культуры / сост. и ред. Е. В. Листвина, О. В. Шиндина. Саратов : Саратовский источник, 2019. 163 с.
7. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / пер. с норв. Е. С. Рачинской и др. М. : Весь Мир, 2003. 204 с.
8. Муштей Н. А. Партиципативное взаимодействие и социальная стигмергия как процессы социальной самоорганизации в современном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика, 2018. Т. 18, вып. 3. С. 270–274. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274>
9. Интеллектуальное измерение онтологии культуры / сост. и ред. Е. В. Листвина, О. В. Шиндина. Саратов : Саратовский источник, 2020. 165 с.
10. Вербина О. В. Игра как агент развития современных социальных коммуникаций // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 2 (10). С. 152–157.

References

1. Kozlovskiy V. V., Pivovarov A. M. Social communications: repertoire and effectiveness of modern technologies. *Zhurnal sotsiologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 4, pp. 201–207 (in Russian).
2. Burkova L. V. *Socio-philosophical Analysis of Mass Consciousness in the Context of Global Informatization*. Dis. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2018. 187 p. (in Russian).
3. Listvina E. V., Frolova S. M. Sociocultural aspects of intergenerational communications in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 369–373 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>
4. Brydny A. A., Bibler V. S., Shvyrev V. S., Grigor'eva T. P., Ogurtsov A. P., Tarasov E. F., Parahonskiy B. A. Communication and the cultural environment: Dialogue and communication-philosophical problems (Materialy «kruglogo stola»). *Voprosy filosofii*, 1989, no. 7, p. 24 (in Russian).
5. A. A. Leont'ev, ans. ed. *Psikholingvisticheskie problemy massovoy kommunikatsii* [Psycholinguistic Problems of Mass Communication]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 146 p. (in Russian).
6. E. V. Listvina, O. V. Shindina, representatives and eds. *Filosofskie aspekty ontologii kul'tury* [Philosophical Aspects of the Ontology of Culture]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2019. 163 p. (in Russian).
7. Eriksen T. H. *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*. London, 2001. 180 p. (Russ. ed.: Eriksen T. H. *Tiraniya momenta. Vremya v epohu informatsii*). Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 204 p. (in Russian).
8. Mushtey N. A. Participative interaction and social stigmmergia as processes of social self-organization in modern society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 270–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-270-274>
9. E. V. Listvina, O. V. Shindina, representatives and eds. *Intellektual'noe izmerenie ontologii kul'tury* [The Intellectual Dimension of the Ontology of Culture]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020. 165 p. (in Russian).
10. Verbina O. V. The game as an agent of the development of modern social communications. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [The Science. Art. Culture], 2016, vol. 2 (10), pp. 152–157 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.06.2021, после рецензирования 12.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
 Received 23.06.2021, revised 12.07.2021, accepted 13.09.2021